

DOI: 10.19181/population.2021.24.2.15

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПАТТЕРНЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Логоinov Д. М.

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС
(119034, Россия, Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1)

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования:

Логоinov Д. М. Традиционные и новые паттерны демографического поведения современной городской молодёжи // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 2. – С. 165–178. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.15.

Аннотация. В настоящей работе проанализированы особенности демографического поведения российской городской молодёжи. Эмпирической базой исследования выступили данные репрезентативного социологического опроса жителей российских городов в возрасте 18–35 лет, проведённого в 2019 году. В ходе исследования выявлены уровни воспроизводства традиционных паттернов и масштабы распространения новых демографических ориентаций. Показано, что в сфере демографического поведения молодёжи действуют механизмы отложенного вступления в брачные отношения и деторождения. Большинство молодых людей реализуют или предполагают в будущем проживание в официально зарегистрированном браке, но даже в возрастной когорте 32–35 лет вне брака или постоянно партнёрства пребывают около четверти опрошенных. Ранние браки уступают место традиции создания семьи после 25–30 лет, часто предваряясь отношениями официально не оформленного сожительства. Оптимальный возраст вступления в брак отодвигается, и особенно это характерно в отношении мужчин. Более образованные представители городской молодёжи выражают явную ориентацию на модель, в которой значительную роль играет развитие образовательного потенциала и выстраивание карьерной траектории, а создание семьи во временном горизонте отодвигается. Деторождение остаётся безусловной ценностью российской молодёжи, однако социальной нормой становится и отказ от ранних репродуктивных ориентаций. Стратегия «childfree», проблематизируясь в младшей возрастной когорте на уровне 18% опрошенных, кратно теряет в массовости (до 6–7%) при приближении к тридцатилетнему возрастному порогу. Среди современной городской молодёжи явным образом выделяются массовые группы, ориентированные на гендерную эгалитарность семейных отношений: разработанная типология показывает, что к низкому уровню эгалитарности относятся около 40% опрошенных, а 15% характеризуются максимально эгалитаристскими установками. В целом, распространение новых паттернов демографического происходит постепенно, индивидуалистские мотивации при этом сочетаются с сохранением ценности семьи и деторождения.

Ключевые слова: молодёжь, репродуктивные ориентации, деторождение, childfree, эгалитарность, демографическое поведение, брачно-партнёрские отношения.

Постановка проблемы

Демографические установки и практики поведения молодёжи во многом определяют вектор социального развития страны, как в текущий момент, так и на длительном временном горизонте. При этом доля молодёжных когорт в репрезентативных опросах населения как правило не превышает 15%-ой доли выборки, что актуализирует проведение специальных исследований, сфокусированных именно на молодёжных группах. Такие группы реализуют различные, как базовые, так и новые модели демографического поведения. Представляет интерес анализ распространённости различных типов партнёрских отношений и репродуктивных установок, их дифференциация в различных молодёжных средах.

В исследованиях демографического поведения молодёжи значительное внимание уделяется новым трендам, которые взаимосвязаны с тем, что часть представителей молодого поколения отказываются от традиционной семейной модели [1; 2]. Выделяются социальные практики, становящиеся достаточно распространёнными в последние десятилетия в различных странах — это целенаправленный отказ от рождения детей и уход от модели постоянного партнёрства. Изменение моделей домохозяйства предсказывал Дж. Шумпетер [3], указывающий на формирование тренда к распространению групп населения, которые отказываются от семейных обременений в возрасте максимальной экономической продуктивности с целью достижения высоких материальных и общественных статусов. Нуклеарная семья традиционно рассматривается в качестве социального базиса, но нельзя не отметить тенденции, в соответствии с которой субъектный фокус всё более смещается к отдельному человеку [4].

Тема сознательного отказа от репродуктивной функции актуализировалась со второй половины прошлого века. В 1980-х гг. канадская исследовательница Дж. Виверс в своих работах обозначала необходимость селективного внимания к бездетным женатым людям [5]. В 2002 г. доля женщин в ре-

продуктивном возрасте, сознательно не заводящих детей, в ряде европейских стран достигала почти 30% [6]. Современная молодёжь ищет баланс между репродуктивными и прочими (трудовыми, образовательными, рекреационными) практиками [7].

Межстрановые сопоставления показывают эволюцию гендерных установок на создание семьи и набор факторов, влияющих на формирование эгалитарности соответствующих установок [8]. Представляется интересным социальный опыт японской молодёжи: при сохранении, в целом, стратегии разделения обязанностей на «мужские и женские», среди тех, кто сочетает высокий образовательный уровень с либеральными установками, отмечается сбалансированное распределение демографических и трудовых жизненных планов [9]. Исследование, проведённое среди индийских студентов, иллюстрирует наличие существенной гендерной дифференциации в формировании брачных установок [10]. По числу сожительств Россия опережает многие европейские страны, такие как Франция, Германия, Норвегия (заметно уступая, впрочем, в этом вопросе Великобритании и Эстонии) [11].

Среди российских исследований необходимо выделить те, в которых отмечают формирующиеся и распространяющиеся демографические тренды. В фокусе исследований находятся отложенное деторождение, выделение из родительского домохозяйства и создание собственной семьи, ориентация на незарегистрированное партнёрство, более поздние, по сравнению с предыдущими поколениями, браки [12–16]. Значительный пласт анализа стратегий и ориентаций молодёжи связан с изучением мнений российского студенчества. В частности, рассматриваются предпочтения юношей и девушек в отношении вступления в брак [17], определяются факторы, формирующие представления о репродуктивных установках и сами репродуктивные практики [18].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении наиболее распространённых установок и моделей демографического поведения, как воспроизводящих традиционные практики, сложившиеся в предшеству-

ющих поколениях, так и новых поведенческих паттернов, зарождающихся в молодой среде. К традиционным паттернам отнесены ценности моногамных семейных отношения и деторождения, а также разделение семейных обязанностей на «мужские и женские»; в числе новых демографических ориентаций рассматриваются сознательный отказ от деторождения, отложенное вступление в брак и стремление к эгалитарности семейных отношений. Эмпирической базой работы выступают данные репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, реализованного Институтом социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)¹.

Брачно-партнёрские отношения

Начнём анализ с демографической структуры семьи городской молодёжи. Около трети респондентов представляют такой демографический тип, как простая нуклеарная семья. Ещё два распространённых типа — это проживающие вдвоём с супругом или партнёром (19%) и одиноко проживаю-

щие (17%). Важной характеристикой демографического поведения городской молодёжи является крайне высокая доля проживающих вне родительской семьи — 77%. Обращает на себя внимание то, что 42% опрошенных молодых людей не состоят в браке и не находятся в отношениях постоянного партнёрства. При этом в зарегистрированном браке проживают 39% респондентов, что более чем вдвое превышает долю тех, кто выбрал для себя формат совместного проживания с партнёром без официальной регистрации отношений.

Относительно планов регистрации брака в будущем, при проживании в состоянии постоянного партнёрства, отмечаются две модели. Более распространённая из них, которую декларируют три четверти опрошенных, предполагает регистрацию отношений в будущем, а не планирует регистрировать брак, соответственно, каждый четвёртый.

Типология брачно-партнёрских отношений российской молодёжи имеет следующую структуру: 1) состоят в зарегистрированном браке — 39,5%; 2) живут в постоянном партнёрстве, планируя регистрацию брака в будущем — 13,6%; 3) живут в постоянном партнёрстве, не планируя регистрацию брака в будущем — 4,4%; 4)

Тип партнёрских отношений по возрастным группам, % по строке

Таблица 1

Table 1

The type of partnership by age groups, % by row

Возрастная группа, лет	Тип партнёрских отношений			
	В официальном браке	Постоянное партнёрство, планируя регистрацию брака	Постоянное партнёрство, не планируя регистрацию брака	Вне брака и постоянного партнёрства
18–22	6,1	12,6	3,4	77,9
23–27	32,4	18,5	4,3	44,8
28–31	54,0	12,1	4,3	29,6
32–35	59,8	11,4	5,6	23,2
В целом	39,5	13,6	4,4	42,5

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

¹ Опрос проведён в 2019 г. методом телефонного анкетирования по выборке, репрезентирующей население России в возрасте 18–35 лет. Общий объём выборочной совокупности составил 3531 респондентов, в том числе 2387 жителей городских населённых пунктов, включённых в настоящее исследование.

пребывают вне зарегистрированного брака или постоянного партнёрства — 42,5%. Очевидно, что с повышением возраста распространённость стратегии, не пред-

полагающей пребывания в брачно-партнёрских отношениях, существенно снижается. Но даже в самой старшей когорте (32–35 лет) доля таких ответов достигает около четверти опрошенных (табл. 1). Сре-

ди пребывающих в неоформленных партнёрских отношениях в старшей возрастной группе максимальна и доля тех, кто не планирует регистрацию брака.

Таблица 2
Тип партнёрских отношений по группам материальной обеспеченности, % по строке

Table 2

The type of partnership by material security groups,% by row

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Тип партнёрских отношений			
	В официальном браке	Постоянное партнёрство, планируя регистрацию брака	Постоянное партнёрство, не планируя регистрацию брака	Вне брака и постоянного партнёрства
Ниже среднего	33,3	11,8	4,7	50,2
Средний	40,9	14,5	4,4	40,2
Выше среднего	40,5	12,9	4,4	42,2
В целом	39,5	13,6	4,4	42,5

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

В существенной степени влияет на брачные планы уровень материального положения (табл. 2). Среди малообеспеченных вне брака и партнёрства живут половина опрошенных, тогда как в других материальных группах соответствующая стратегия распространена на 8–10 процентных пунктов реже. При этом уровень благосостояния никак не связан с планированием будущего оформления брака в ситуации незарегистрированного партнёрства.

Таким образом, мы видим, что большинство молодых людей реализуют (или предполагают в будущем) проживание в официально зарегистрированном бра-

ке. Но и группа, представители которой не состоят в постоянных отношениях к тридцати годам и старше, является достаточно массовой. Это свидетельствует о том, что создание семьи и регистрация семейных отношений, хотя и остаётся важной составляющей жизненных стратегий, но не является для молодёжи единственной социальной нормой.

Важный исследовательский сюжет — рассмотрение представлений молодых людей о том, какой возраст является оптимальным для вступления в брак. Для мужчин среднее значение возраста, названного оптимальным, составляет 26,4 года, для женщин — 23,7 года. Распределение

Таблица 3
Представления об оптимальном возрасте вступления в брак для мужчин и женщин

Table 3

The views concerning the best age for marriage of men and women

Оптимальный возраст вступления в брак	Для мужчин	Для женщин
20 лет и младше	5,8	19,0
21–24 года	11,8	31,6
25 лет	37,6	34,2
26–29 лет	18,1	8,8
30 лет и старше	26,7	6,4
В целом	100,0	100,0

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

по возрастным интервалам (табл. 3) показывает, во-первых, отсутствие массовых установок на ранние браки, а, во-вторых, существенное смещение представлений о наилучшем времени создания семьи для мужчин в сторону верхних значений шкалы: различия между полагающими, что жениться следует в возрасте старше 25 лет, и теми, кто считает, что делать это следует до достижения этого возраста, составляет 27 процентных пунктов.

Надо отметить, что указанные тенденции соответствуют установкам представителей обеих гендерных групп (табл. 4). При этом женщины склонны более массово «отодвигать» брачный возраст мужчин, а мужчины практически вдвое чаще называют наиболее предпочтительным для женщин возрастом самый ранний (молже 20 лет).

Таблица 4

Представления об оптимальном возрасте вступления в брак для мужчин и женщин по гендерным группам, % по строке

Table 4

The views concerning the best age for marriage of men and women, by gender groups, % by row

Гендерная группа	Представления об оптимальном возрасте вступления в брак				
	20 лет и младше	21–24 года	25 лет	26–29 лет	30 лет и старше
Для мужчин					
Мужчины	7,5	15,8	38,1	17,0	21,6
Женщины	4,3	8,1	36,8	19,1	31,7
Для женщин					
Мужчины	25,0	30,8	30,7	8,0	5,5
Женщины	13,6	32,3	37,2	9,6	7,3

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 г.

Мнения о том, в каком возрасте лучше всего создавать семью, крайне слабо коррелирует с уровнем материальной обеспеченности. При этом более заметна роль образовательного фактора — среди получивших высшее образование меньше сторонников раннего вступления в брак. Как показывают результаты исследования, более образованные молодые люди чаще являются приверженцами жизненной стратегии, на ранних этапах которой большую роль играет развитие человеческого потенциала и удовлетворение карьерных амбиций. Важно отметить, что чем более молодую возрастную когорту представляют респонденты, тем скорее они допускают относительно ранние браки. В представлениях опрошенных более старших возрастов оптимальный возраст создания

семьи отодвигается, и это характерно для представителей обеих гендерных групп.

Репродуктивные ориентации

Детей имеют около половины молодых людей, и с переходом в каждую следующую возрастную группу доля бездетных значимо сокращается (табл. 5). Обращает на себя внимание тот факт, что у четверти представителей старшей молодёжной группы детей нет. Модальным значением количества детей, при их наличии, для трёх младших когорт является единственный ребёнок, а среди респондентов в возрасте 32–35 лет — двое. Уровень материального положения не оказывает существенного влияния на наличие и число детей.

Таблица 5

Наличие и число детей по возрастным группам, % по строке

Table 5

Presence and number of children, by age groups, % by row

Возрастная группа, лет	Наличие и число детей			
	Нет	Один	Двое	Более двух
18–22	96,3	2,9	0,4	0,4
23–27	68,2	22,5	7,1	2,2
28–31	42,2	33,2	19,0	5,6
32–35	25,8	31,6	33,8	8,8
В целом	56,5	23,5	15,6	4,4

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

На вопрос о репродуктивных планах модальным ответом является ориентация на двоих детей в семье. Обращает на себя внимание 10%-ная группа, представители которой не планируют деторождения (рис. 1). Исследование не фокусировалось на вопросе, в какой степени отсутствие детей является выбором молодёжи, а насколько определяется стратегией отло-

женного деторождения. Однако мы видим, что 14% молодых людей, не имеющих детей, не планируют деторождения (табл. 6). Таким образом, распространённость в молодёжной среде модели осознанного отказа от деторождения («childfree») ограничена. И малая распространённость такой установки характеризует как мужчин, так и женщин.

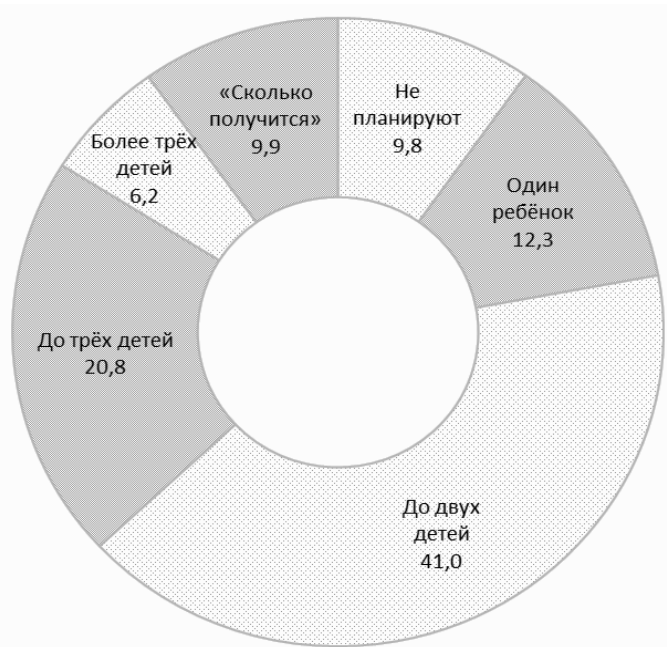

Рис. 1. Репродуктивные ориентации, %

Fig. 1. Reproductive orientations, %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

Таблица 6
Репродуктивные планы в зависимости от наличия детей, % по строке

Table 6

Reproductive plans depending on presence of children, % by row

Наличие детей	Планируемое количество детей					
	Ни одного	1	2	3	Более 3	Сколько получится
Нет	14,0	13,7	41,9	16,0	4,1	10,3
Есть	-	9,2	39,1	31,6	10,9	9,2
В целом	9,8	12,3	41,0	20,8	6,2	9,9

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

Распределение репродуктивных ориентаций по возрасту показывает, что с выходом из самой младшей возрастной группы декларируемая ориентация на без-

детность кардинально сокращается, стабилизируясь в более старших возрастах на уровне 6–7% (табл. 7).

Таблица 7
Репродуктивные планы по возрастным группам, % по строке

Table 7

Reproductive plans by age groups, % by row

Возрастная группа, лет	Планируемое количество детей					
	Ни одного	1	2	3	Более 3	Сколько получится
18–22	18,2	11,6	40,8	18,2	3,3	7,9
23–27	7,5	11,8	44,9	19,9	5,6	10,3
28–31	5,9	11,6	40,9	24,0	8,4	9,2
32–35	6,8	15,0	36,1	21,0	7,7	13,4
В целом	9,8	12,3	41,0	20,8	6,2	9,9

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

Рассмотрим представления городской молодёжи о том, какой возраст является наилучшим для рождения первого ребёнка. Согласно полученным данным, лишь немногим более 10% респондентов считают однозначно хорошим вариантом появление первого ребёнка у мужчины, не достигшего 25 лет. Естественно, оптимальный возраст материнства существенно смещён в сторону более молодого, однако ранее (до 20 лет) деторождение для жен-

щин приветствует только каждый седьмой из опрошенных (табл. 8). Весомых различий в ответах на этот вопрос в группах опрошенных, характеризующихся различным материальным статусом, не просматривается. Но вновь обнаруживается дифференциация в зависимости от уровня образования: чем он выше, тем чаще в оптимальной модели первого деторождения присутствует сравнительно старший возраст родителей.

Таблица 8
Оптимальный возраст рождения первого ребёнка для мужчин и женщин, %

Table 8

The ideas about the best age for men and women to have the first child, %

Оптимальный возраст рождения первого ребёнка	Для мужчин	Для женщин
20 лет и младше	2,5	14,1
21–24 года	9,5	32,2
25 лет	25,0	31,8
26–29 лет	29,1	14,4
30 лет	25,4	6,2
31 год и старше	8,5	1,3
В целом	100,0	100,0

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

Обобщая, можно сделать вывод, что деторождение остаётся безусловной ценностью в системе жизненных стратегий российской молодёжи. В соответствии с традиционными демографическими установками, при первом деторождении мужчине следует быть старше женщины. При этом представители городской молодёжи характеризуются высоким разбросом мнений по вопросу оптимального возраста первого деторождения и редко ориентируются на ранние рождения.

Формат семейных взаимоотношений

Современный тип формирования семейных отношений движется в сторону боль-

шей гендерной эгалитарности. Феминистские направления предполагают гендерное равенство и сглаживание традиционно закреплённых за гендерными группами занятий и функций. Наше исследование позволяет выявить уровень семейного эгалитаризма современной городской молодёжи по трём позициям: финансовое обеспечение семьи, выполнение обязанностей по уходу за детьми и их воспитанием, выполнение бытовых обязанностей.

Полученные данные (табл. 9) иллюстрируют представления о том, что функция «добытчика» продолжает сохраняться за мужчиной. Важно отметить, что в большей степени эта социальная норма поддерживается самими мужчинами, а женщины

Таблица 9
Позиции признания гендерного равенства по гендерным группам, %

Table 9

Attitudes towards recognition of gender equality, distribution by gender groups, %

Гендерная группа	Позиции		
	Финансово обеспечивать семью должен, в первую очередь, мужчина	Ухаживать за детьми должна, в первую очередь, женщина	Домашними обязанностями, в первую очередь, должна заниматься женщина
Мужчины	83,3	53,8	45,4
Женщины	72,8	68,0	54,9
В целом	78,0	61,0	50,2

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

в этом вопросе не столь категоричны. Более 60% опрошенных согласны с тем, что уход за детьми и их воспитание — это преимущественно женская обязанность, но очевидно, что эта норма смягчается, и её в большей степени «размывают» мужчины. В отношении распределения бытовых нагрузок проделан самый успешный путь к эгалитаризму — почти половина мужчин и 55% женщин уверены, что бытовые обязанности нужно делить примерно поровну.

На основании трёх выделенных признаков гендерного равенства построен показатель эгалитарности семейных отношений: 1) низкий уровень эгалитарности, при котором мнения по каждому из определённых выше индикаторов не предполагают гендерного равенства — 41,0%; 2) средний уро-

вень эгалитарности — интенции к равенству выражаются в отношении двух любых позиций — 44,8%; 3) высокий уровень эгалитарности — стремление к гендерному равенству проявлено по всем трём позициям — 14,2%.

Как видно из приведённых данных, высокий уровень эгалитаристского сознания характеризует примерно каждого седьмого из молодых людей. Представления, которые можно оценить средним и низким значениями эгалитарности, присущи примерно равным группам опрошенных. Нужно заметить, что мужчины представляют собой более гомогенную группу, ровно половина которой характеризуется средним уровнем эгалитарности, а женщины чаще мужчин относятся к высокому и низкому типам (табл. 10).

Таблица 10

Уровень гендерной эгалитарности мужчин и женщин, % по строке

Table 10

The level of gender egalitarianism of men and women, % by row

Гендерная группа	Уровень гендерной эгалитарности		
	Низкий	Средний	Высокий
Мужчины	36,5	51,9	11,6
Женщины	45,3	38,0	16,7
В целом	41,0	44,8	14,2

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

Самая младшая из когорт (в возрасте до 22-х лет) в своих воззрениях на гендерное равенство существенно отличается от других (табл. 11). Среди наиболее молодых максимальна доля эгалитаристски ориентированных респондентов (и различия с про-

чими возрастными группами велики). Если с течением жизни эта группа сохранит свои воззрения на гендерные отношения, то общественный тренд на гендерную эгалитарность будет усиливаться.

Таблица 11

Уровень гендерной эгалитарности по возрастным группам, % по строке

Table 11

The level of gender egalitarianism by age groups, % by row

Возрастная группа, лет	Уровень гендерной эгалитарности		
	Низкий	Средний	Высокий
18–22	36,7	41,8	21,5
23–27	41,4	44,7	13,9
28–31	42,1	46,6	11,3
32–35	43,2	45,5	11,3
В целом	41,0	44,8	14,2

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 год.

И снова отмечается зависимость от уровня образования — среди обладателей высшего образования приверженность высокому уровню эгалитарности наиболь-

шая, а низким уровнем характеризуются сравнительно малая доля опрошенных (табл. 12).

Таблица 12

Уровень гендерной эгалитарности по уровню образования % по строке

Table 12

The level of gender egalitarianism by educational groups, % by row

Уровень образования	Уровень гендерной эгалитарности		
	Низкий	Средний	Высокий
Нет профессионального образования	44,0	41,6	14,4
Среднее/начальное профессиональное образование	45,1	43,1	11,8
Высшее образование	37,4	47,0	15,6
В целом	41,0	44,8	14,2

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян в возрасте 18–35 лет, ИНСАП РАНХиГС, 2019 г.

Выводы

Как показывают результаты исследования, большинство российской молодёжи поддерживает практики партнёрского проживания (как в зарегистрированном браке, так и без такой регистрации). При этом ранние браки уступают место традиции создания семьи после 25 и даже после 30 лет, часто предваряясь отношениями официально не оформленного сожительства. Группа, представители которой не состоят в постоянных отношениях в возрасте 32–35 лет, превышает 20% соответствующего возрастного интервала. Это подтверждает тот факт, что создание семьи и регистрация семейных отношений остаётся важной составляющей жизненных стратегий, но не является для молодёжи единственной социальной нормой.

Чем моложе респонденты, тем чаще они считают приемлемыми относительно ранние браки, а чем становятся старше, тем активнее переносят оптимальный возраст создания семьи на более поздние сроки, и такая картина характеризует установки как женщин, так и мужчин. В целом оптимальный возраст вступления в брак отодвигается, и особенно это характерно в отношении мужчин. Более образованные представители город-

ской молодёжи выражают явную ориентацию на модель, в которой значительную роль играет развитие образовательного потенциала и выстраивание карьерной траектории, а создание семьи во временном горизонте отодвигается.

Анализ репродуктивных ориентаций показывает, что рождение детей по-прежнему продолжает оставаться абсолютной социальной нормой, при этом раннее деторождение уступает место появлению детей в более позднем возрасте. Стратегия «childfree», актуальна как проблема в младшей возрастной когорте на уровне 18% опрошенных,кратно теряет в массовости (до 6–7%) при приближении респондентов к тридцати годам.

Традиционная модель семейных отношений, предполагающая гендерную асимметрию, постепенно размывается, и молодые горожане, особенно высокообразованные, отходят от неё всё дальше. Этому способствуют мнения как мужчин, которые считают, что должны заниматься с детьми наравне с супругами, так и женщин, нацеленных на стремление к равному вкладу в семейный бюджет.

В целом, современная городская молодёжь в значительной степени ориентирована на выстраивание индивидуальных демографических траекторий, всё больше переходя от вектора «так принято»

к осознанному выбору представляющих наиболее подходящими поведенческих моделей. При этом важно, что рациональность этого выбора отнюдь не приводит к массовому отказу от традиционных паттернов — семья и дети в представлении молодых россиян по-прежнему остаются безусловной ценностью.

Литература и интернет-источники

1. **Тарченко, В. С.** Исследования брачно-семейных представлений студенческой молодёжи: обзор российских работ / В. С. Тарченко, Э. К. Бийжанова // Общество: социология, педагогика, психология. — 2018. — № 12. — С. 50–55. DOI: 10.24158/spp.2018.12.7.
2. **Ломакин, И. В.** Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России / И. В. Ломакин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 6. — С. 394–436. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.20.
3. **Шумпетер, Й. А.** Капитализм, Социализм и Демократия / Й. А. Шумпетер. — Москва : Экономика, 1995. — 539 с.
4. **Klinenberg, E.** Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. / E. Klinenberg. — London : Penguin, 2012. — 288 p.
5. **Veevers, J. E.** Childless by choice. / J. E. Veevers. — Toronto : Butterworths, 1980. — 234 p.
6. **Basten, S.** Voluntary childlessness and being Childfree / S. Basten // The Future of Human Reproduction: Working Paper No. 5. — St. John's College, Oxford, Vienna Institute of Demography, 2009. — 23 p.
7. **Смакотина, Н. Л.** Молодёжь в ситуации социальной нестабильности / Н. Л. Смакотина // Народонаселение. — 2012. — № 3(57). — С. 91–95.
8. **Гурко, Т. А.** Исследования гендерной идеологии молодёжи: обзор зарубежных работ / Т. А. Гурко, М. С. Мамиконян, Э. К. Бийжанова // Социология медицины. — 2018. — № 17(2). — С. 104–113. DOI: 10.18821/1728–2810–2017–17–2–104–113.
9. **Adachi, T.** Work-family planning and gender role attitudes among youth / T. Adachi // International Journal of Adolescence and Youth. — 2018. — № 23(1). — P. 52–60.
10. **Bhavana, N.** Youth Attitude towards Marriage and Changing Trends in Marriage / N. Bhavana, K. S. Roopa // International Journal of Science and Research (IJSR). — 2015. — Vol. 4. — Is. 7. — P. 677–682.
11. **Гурко, Т. А.** Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами / Т. А. Гурко, М. С. Мамиконян // Вестник института социологии. — 2018. — № 27. — С. 192–226. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.547.
12. **Богданова, Л. П.** Гражданский брак в современной демографической ситуации / Л. П. Богданова, А. С. Шукина // Социологические исследования. — 2003. — № 7. — С. 100–104.
13. **Прокофьева, Л. М.** Структура семей в России и трансформация семейных ценностей / Л. М. Прокофьева, И. И. Корчагина, А. К. Гузанова // Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет / ред. Л. Н. Овчарова, Л. М. Прокофьева. — Москва : ИСЭПН РАН, 2008. — С. 7–28. ISBN 5–89997–031–6.
14. **Римашевская, Н. М.** Семья в демографических процессах / Н. М. Римашевская // Труд и социальные отношения. — 2009. — № 1. — С. 43–50.
15. **Гурко, Т. А.** Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия / Т. А. Гурко // Социологические исследования. — 2017. — № 11. — С. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113.

16. **Синельников, А. Б.** Трансформация брака и рождаемость в России / А. Б. Синельников // Народонаселение. — 2019. — № 2. — С. 26–39.
17. **Гурко, Т. А.** Динамика брачных установок и планов студентов / Т. А. Гурко, В. С. Тарченко // Социологические исследования. — 2019. — № 7. — С. 102–113. DOI: 10.31857/S013216250005797–9.
18. **Назарова, И. Б.** Брак, семья, обучение: установки и представления студентов / И. Б. Назарова, М. П. Зеленская // Социологические исследования. — 2019. — № 7. — С. 78–89. DOI: 10.31857/S013216250005795–7.

Информация об авторе:

Логинов Дмитрий Михайлович, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: loginov-dm@ranepa.ru; ORCID: 0000–0002–2717–6909; Researcher ID Web of Science: G-5246–2016; ПИИЦ Author ID: 198576.

DOI: 10.19181/population.2021.24.2.15

TRADITIONAL AND NEW PATTERNS OF TODAY'S URBAN YOUTH DEMOGRAPHIC BEHAVIOUR

Loginov Dmitry Mikhailovich

*Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(11 Prechistenskaya nab., Moscow, Russian Federation, 119034)*

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Funding:

The article was prepared within the framework of the state task of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation:

Loginov D.M. Traditional and new patterns of today's urban youth demographic behavior. *Narodonaselenie*. [Population]. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 165–178. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.15. (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes specific features of the Russian urban youth demographic behavior. The empirical base of the study is the data of the representative public opinion poll of the Russian city dwellers aged 18–35 that was conducted in 2019. The levels of reproduction of the traditional patterns and the scale of the spread of new demographic orientations are revealed in the course of the study. It is shown that the mechanisms of postponed marriage and childbirth are taking place in the sphere of young people demographic behavior. The majority of young men are married or plan to be married in future, but even in the age cohort of 32–35 around a quarter of respondents are not married and do not have permanent partner. Young marriages are giving way to the tradition of creating family after 25–30 years old that is also preceded by cohabitation without marriage. The optimal age for getting married is being put off and this is particularly characteristic of men. More educated representatives of urban youth are clearly orientated at the model in which the major*

part is taken by development of educational potential and making career, and creation of family is temporarily postponed. Childbirth remains the unconditional value of Russian youth, however refusal from early reproductive orientations also becomes social norm. The strategy “childfree” becomes actual in the youngest age cohort at the level of 18% and significantly loses its rates to 6–7% when it is getting closer to the age of 30. Mass groups orientated at gender egalitarianism in family relations are clearly distinguished among modern urban youth: the proposed typology shows that around 40% of respondents are characterized by a low level of egalitarianism, and 15% — by the most egalitarian attitudes. In general, the spread of new demographic patterns goes on gradually, while individualistic motivations are combined with preservation of the value of family and childbirth.

Keywords: youth, reproductive orientations, childbirth, childfree, egalitarian relations, demographic behavior, marriage, partnership.

References and Internet sources

1. Tarchenko V. S., Biyghanova E. K. Issledovaniya brachno-semejnyh predstavlenij studentcheskoj molodyozhi: obzor rossijskikh rabot [Views of students on marriage and family: A review of Russian studies]. Obshchestvo: sociologiya, pedagogika, psihologiya [Society: Sociology, Pedagogy, Psychology]. 2018. No. 12. P. 50–55. DOI: 10.24158/spp.2018.12.7. (in Russ.)
2. Lomakin I. V. Chajldfri ili dobrovol'no bezdetnye? K pereopredeleniyu konceptual'nogo polya issledovaniy ne-roditel'stva v Rossii [Childfree or voluntarily childless? Redefining the conceptual field of studies on non-parenthood in Russia]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i social'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2019. No. 6. P. 394–436. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.20. (in Russ.)
3. Shumpeter J. Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1995. 539 p. (In Russ.)
4. Klinenberg E. *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. London. Penguin. 2012. 288 p.
5. Veivers J. E. *Childless by Choice*. Toronto. Butterworths. 1980. 234 p.
6. Basten S. *Voluntary Childlessness and Being Childfree. The Future of Human Reproduction: 2009*. Working Paper № 5. St. John's College. Oxford. Vienna Institute of Demography, 2009. 23 p.
7. Smakotina N. L. Molodyozh v situacii sotsial'noj nestabil'nosti [Youth in the situation of social instability]. Narodonaselenie [Population]. 2012. No 3(57). P. 91–95. (in Russ.)
8. Gurko T. A., Mamikonian M. S., Biyghanova E. K. Issledovaniya gendernoj ideologii molodyozhi: obzor zarubezhnyh rabot [Studies of gender ideology of the youth: review of foreign publications]. Sotsiologiya meditsiny [Sociology of Medicine]. 2018. No. 17(2). P. 104–113. DOI: 10.18821/1728–2810–2017–17–2–104–113. (in Russ.)
9. Adachi T. Work-family planning and gender role attitudes among youth. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2018. No. 23(1). P. 52–60.
10. Bhavana N., Roopa K. S. Youth attitude towards marriage and changing trends in marriage. *International Journal of Science and Research*. 2015. No. 4(7). P. 677–682.
11. Gurko T. A., Mamikonian M. S. Ustanovki studentov v brachno-semejnoj sfere i otnosheniyah mezhdru polami [Students' Attitudes when it comes to marriage, family and relationships between genders]. Vestnik instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2018. No. 27. P. 192–226. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.547. (in Russ.)
12. Bogdanova L. P., Shchukina A. S. Grazhdanskiy brak v sovremennoy demograficheskoy situatsii [Civic marriage in the current demographic situation]. Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]. 2003. No. 7. P. 100–104. (in Russ.)

13. Prokofeva L.M., Korchagina I.I., Guzanova A.K. Struktura semey v Rossii i transformatsiya semeynyh tsennostey [The structure of families in Russia and the transformation of family values]. *Semya s detmi v sovremennoy Rossii: ekonomicheskiy i sotsialnyy portret [Family with Children in Modern Russia: Economic and Social Portrait]*. Eds. Ovcharova L.N., Prokofeva L.M. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences]. 2008. P. 7–28. (in Russ.)
14. Rimashevskaya N.M. Sem'ya v demograficheskikh processah [Family in demographic process]. *Trud i social'nyye otnosheniya [Labor and Social Relations]*. 2009. No. 1. P. 43–50. (in Russ.)
15. Gurko T.A. Novyye semeynyye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: trends in spreading and concepts]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya [Sociological Studies]*. 2017. No. 1. P. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113. (in Russ.)
16. Sinelnikov A.B. Transformatsiya braka i rozhdayemost' v Rossii [Transformation of marriage and fertility in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 2. P. 26–39. (in Russ.)
17. Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dinamika brachnyh ustanovok i planov studentov [Dynamics of students' marital attitudes and plans]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya [Sociological Studies]*. 2019. No. 7. P. 102–113. DOI: 10.31857/S013216250005797–9. (in Russ.)
18. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Brak, sem'ya, obucheniye: ustanovki i predstavleniya studentov [Marriage, family, education: students' attitudes and views]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya [Sociological Studies]*. 2019. No. 7. P. 78–89. DOI: 10.31857/S013216250005795–7. (in Russ.)

Information about the author:

Loginov Dmitry Mikhailovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Contact information: loginov-dm@ranepa.ru; ORCID: 0000–0002–2717–6909; Researcher ID Web of Science: G-5246–2016; Elibrary Author ID: 198576.

Статья поступила в редакцию 09.03.2021, одобрена 20.05.2021, опубликована 30.06.2021.